

В. К. Пичугина

Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 2, № 2 (92). С. 96–117.
Domestic and foreign pedagogy. 2023. Vol. 2, no. 2 (92). P. 96–117.

Научная статья

УДК 37.01

doi: 10.24412/2224-0772-2023-92-96-117

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: К. Д. УШИНСКИЙ VS КАРЛ ШМИДТ

Виктория Константиновна Пичугина
Институт образования НИУ ВШЭ; РАО, Москва, Россия,
Pichugina_V@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается педагогическое наследие Карла Шмидта (1819–1864) — немецкого мыслителя и педагога, благодаря которому появилась и начала бороться за научный статус педагогическая антропология. Он был автором нескольких объемных сочинений, в которых обосновывалась необходимость антропологических основ образования, за что и был назван «педагогом-антропологом XIX века». В первой части статьи очерчены контуры педагогической антропологии, намеченной Иммануилом Кантом и во многом предопределившей научно-педагогический поиск Карла Шмидта и К. Д. Ушинского. Для Шмидта антропология Канта представляет собой не слишком гармоничный синтез психологической антропологии и антропологии физиологической. К. Д. Ушинский называл Канта автором противоречивых психологических заметок, указывая, что он справедливо осторожен в вопросах, касающихся физиологии. Во второй части представлен анализ сочинений Карла Шмидта, раскрывающих особенности его антрополого-педагогической концепции. Проанализированы три ключевые работы Шмидта, вышедшие между 1852 и 1856 годами, а также две

части обобщающего труда по антропологии, который вышел после смерти автора, в 1865 году. Все эти работы до сих пор не переведены на русский язык, и цитаты из них, переведенные автором статьи, публикуются впервые. В третьей части статьи представлена критика педагогической антропологии Карла Шмидта, высказанная К. Д. Ушинским на страницах сочинения «Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии». Язвительные замечания Ушинского по отношению к Шмидту, вероятно, были чем-то большим, чем просто желание уличить его во «френологических фантазиях».

Ключевые слова: антропология образования, педагогическая антропология, Карл Шмидт, К. Д. Ушинский, Антропологические письма

Для цитирования: Пичугина В. К. Становление педагогической антропологии: К. Д. Ушинский vs Карл Шмидт // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 2, № 2 (92). С. 96–117. doi: 10.24412/2224-0772-2023-92-96-117

Original article

DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY: KONSTANTIN USHINSKY VS KARL SCHMIDT

Victoria K. Pichugina

The Institute of Education of HSE University, Russian Academy of Education; Moscow, Russia, Pichugina_V@mail.ru

Abstract. The article discusses the pedagogical heritage of Karl Schmidt (1819–1864), a German thinker and teacher, thanks to whom pedagogical anthropology appeared and began to fight for the scientific status. He was the author of several voluminous works, which substantiated the need for the anthropological foundations of education, for which he was called the “teacher-anthropologist of the 19th century”. The first part of the article outlines the contours of pedagogical anthropology, outlined by Immanuel Kant and largely predetermined the scientific and pedagogical search of Karl Schmidt and Konstantin Ushinsky. For Schmidt, Kant's anthropology is a not too harmonious synthesis of psychological anthropology and physiological anthropology. Ushinsky called Kant the author of contradictory psychological notes, indicating that he was rightly cautious in matters relating to physiology. The second part presents an analysis of the writings of Karl Schmidt, revealing the features of his anthropological and pedagogical concept. Three key works of Schmidt published between 1852 and 1852 are analyzed, as well as two parts of a generalizing work on anthropology, which was published after the death of the author, in 1865. All these works have not yet been translated into Russian and quotations from them, translated by the author of the article, are published for the first time. The third part of the article presents the

criticism of Schmidt's pedagogical anthropology expressed by Ushinsky on the pages of the essay "The Human As a Subject of Education: Pedagogical Anthropology". Ushinsky's caustic remarks towards Schmidt were probably more than just a desire to convict him of "phrenological fantasies".

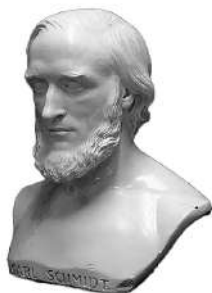
Keywords: anthropology of education, pedagogical anthropology, Karl Schmidt, Konstantin Ushinsky, Anthropological letters

For citation: Pichugina V. K. Development of pedagogical anthropology: Konstantin Ushinsky vs Karl Schmidt. *Domestic and Foreign Pedagogy*. 2023;2(2):96–117. (In Russ.). doi: 10.24412/2224-0772-2023-92-96-117

Введение. Значимой частью истории педагогики является история изменения представлений о природе педагогической деятельности и природе человека как основы этой деятельности. Критическую рефлексию такого рода можно назвать «педагогическим вопрошанием о человеке будущего» [4] — вопрошанием, благодаря которому в XIX веке появилась и начала бороться за научный статус педагогическая антропология. Одному из тех, кто стоял у ее истоков, можно дать следующую биографическую характеристику: провел детство в деревне, поступил в гимназию, а потом в один из лучших университетов того времени, резко изменил карьерную траекторию, став педагогом, всю жизнь пытался объединить научность и религиозность в педагогическом взгляде на человека, среди прочего занимался вопросами начального образования и материнской школы, сотрудничал с несколькими журналами, был автором новаторских сочинений об образовании, в том числе труда по педагогической антропологии, который был собран и издан в нескольких томах только после его смерти. Вероятно, большинство читателей подумают, что все это о К. Д. Ушинском. Но речь идет о Карле Шмидте (1819–1864) — немецком мыслителе и педагоге, которого называли «педагогом-антропологом XIX века» (комментарий 1). Удивительным образом основные этапы жизненного пути этих великих педагогов совпадали. Не менее удивительным является то, что, помимо биографических и концептуальных параллелей, существовало и портретное сходство, если сопоставить некоторые портреты Ушинского с бюстом Шмидта из Исторического музея г. Котен/Анхальт (рис. 1). (Благодарю за фотографию и разрешение на ее публикацию сотрудников музея и лично Кристофера Эрдмана.)

Позиция К. Д. Ушинского о педагогической антропологии как продукте интеграции всех антрологических наук на благо делу воспитания близка позиции К. Шмидта о педагогике как прикладной антропологии [7, с. 1].

Этот прагматический подход, который разделяли Шмидт и Ушинский, восходит к И. Канту. Перефразируя классика, можно сказать, что многие, если не все педагоги XIX века вышли из кантовской антропологической шинели. Не были исключением и К. Шмидт и К. Д. Ушинский.

*Рисунок 1. Бюст Карла Шмидта
работы Августа Шмитца (Берлин, ок. 1865 г.).
Источник: © Historisches Museum, Köthen*

Цель статьи. В современных реалиях обращение к антропологической проблематике часто означает повторение логики научно-педагогического поиска XIX века, когда под ценным для педагогики антропологическим знанием называлось почти все. Однако в XXI веке уже не так важно, что антропологические науки могут дать педагогике; важно то, какое место она может занять среди них в обозримом будущем и в чем видит свою миссию. В рамках статьи будет осуществлен историко-педагогический анализ дискурса Карла Шмидта, концептуализировавшего представления об антропологических основаниях педагогической деятельности. Подчеркну, что сопоставление антрополого-педагогических идей и выводов К. Шмидта и К. Д. Ушинского является отдельной исследовательской задачей, решение которой не предполагается в рамках данной статьи.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическими основами исследования выступили концептуальные идеи об антропологических основах образования (В. Г. Безрогов, Б.-М. Бим-Бад, Г. Б. Корнетов и др.). Основными методами исследования стали методы семантико-терминологического и историко-структурного анализа, дискурс-анализ, контент-анализ, историко-педагогическая интерпретация, позволившие проследить эволюцию антрополого-педагогических идей и выводов.

Прагматика педагогической антропологии И. Канта: оценка

К. Шмидта и К. Д. Ушинского. Идеи о возможности объединения существующих антропологических данных с целью усовершенствования педагогической деятельности присутствовали в религиозных и философских учениях многих народов. Но контур педагогической антропологии в понимании, близком к современному, начинает очерчиваться именно в немецкой науке XIX века во многом благодаря работам Иммануила Канта. К. Шмидт подчеркивал, что с Канта началась новая эра в антропологии, потому что ему удалось переосмыслить основы философии [22, s.90].

Когда Кант называет одним из главных вопросов о том, что такое человек, он не просто говорит о возможности восприятия человеком самого себя как открытого вопроса, но и о сложном поиске педагогического ответа на этот вопрос. Значимым является то, что он был одним из немногих философов, который писал об образовании, имея опыт педагогической деятельности. Прежде чем начать преподавательскую деятельность и стать заведующим кафедрой логики и математики в Кенигсбергском университете, преподавая в том числе антропологию (комментарий 2), Кант несколько лет проработал домашним учителем. Несмотря на то что спустя годы он скажет о себе: «Наверное, никогда не было наставника хуже, чем я», Кант был явно удовлетворен своей работой и ее результатами. Его концепция образования представляла собой уникальный опыт методологического конструирования педагогики как единства «идей и экспериментов, разума и опыта» [13, s. 79]. Тем более парадоксальным является тот факт, что среди многочисленных сочинений Канта, всю жизнь проявлявшего интерес к педагогике и ее антропологическим основам, нет ни одной работы, полностью посвященной образованию (комментарий 3). Именно в антропологии Кант видел основу всех наук, в особенности основу образования. Самотворение человека под влиянием других людей было обозначено Кантом как прагматическая антропология, объяснить суть которой он старался во многих сочинениях.

«Антропология с прагматической точки зрения» (1798 год) — последняя работа, изданная Кантом, итог его размышлений о человеке. Антропология для Канта была представлена двумя составляющими: физиологической («что делает из человека природа») и прагматической (что человек как «свободно действующее существо способен делать или может и должен делать из себя сам» [3, с. 138]). Шмидт подчеркивает,

что, выделив эти составляющие, Кант существенно расширил антропологию и внес существенный вклад в антропологическую дидактику, которая сопрягала способы познания «как внутреннего, так и внешнего человеческого существа» (комментарий 3). По мнению К. Д. Ушинского, «Антропология...» Канта «менее всего имеет претензию на систему и теорию», это лишь сумма противоречивых психологических заметок «человека необыкновенно умного, долго жившего и проницательного наблюдателя» [10, с. 551–552].

В «Антропологии с прагматической точки зрения» были подняты вопросы о специфике развития человека и нетождественности этого развития природной эволюции животных. Кант утверждает человека основой многовекового культурного проекта под названием «школа человека». Пытаясь ответить на вечный философский вопрос «Что есть человек?», Кант предложил искать ответ, в том числе обращая внимание на процесс и результат обучения и воспитания человека. Канта почти не интересует человек как творение природы, ему интересен человек как творение самого же человека. То, что Кант называет «прагматической точкой зрения», современные исследователи склонны назвать социокультурной доминантой его педагогического поиска. Прагматическая антропология для И. Канта — это наука о человеке, преобразованном другими людьми и самим собой. Именно ей философ отвел значимую роль среди наук, способных целенаправленно влиять на развитие человека: сделать память гибкой, внимание устойчивым и т. д. Подробно проанализировав основные понятия и идеи Канта, Шмидт упрекает его в слишком большой увлеченности тем, что человек делает из себя сам, в ущерб тому, что природа делает из человека [22, s. 97]. Для Шмидта антропология Канта представляет собой не слишком гармоничный синтез психологической антропологии, которой необоснованно много, и антропологии физиологической, которой необоснованно мало. Однако такая антропологическая односторонность, как подчеркивает Шмидт, не помешала тому, что взгляды Канта оказали влияние на все науки и «побудили умы к тщательным исследованиям» [22, s. 94]. К. Д. Ушинский также высказался относительно психологической и физиологической составляющих антропологии Канта. Утверждая, что Канта, как и многих классиков, можно и нужно оспаривать, Ушинский писал: «Кант был для нас великим мыслителем, но не психологом, хотя в его “Антропологии” мы нашли много метких психических наблюдений» [8, с. 45]. Однако

Ушинский приводит цитаты из Канта не для оспаривания его тезисов, а для подкрепления своих. По мнению Ушинского, в «Антропологии...» Кант показал пример осторожности, с которой нужно идти к сути физиологическим путем: «...остается изучать явления, насколько это возможно, и отказаться от исследования глубокой причины, которое покуда невозможно» [8, с. 250]. По сравнению со Шмидтом Ушинский действительно пытается проявлять большую осторожность, когда дело касалось физиологии.

Согласимся с тем, что при реконструкции философии образования Канта нельзя ограничиваться его рассуждениями об образовании в той или иной работе, поскольку нужно исходить из его более обширной философской структуры [16, р. 81]. Ограничиваясь только «Антропологией...» нельзя говорить об антропологически обоснованной педагогике, поскольку Кант формулирует слишком сложную задачу: сделать так, чтобы образование способствовало становлению лучшего в человеке. Выступая за педагогику как искусство, основанное на научном знании, где антропологическому знанию отведено особое место, Кант признает значимость педагогического опыта. Л. Бекк иронизирует по поводу желания Канта представить на педагогический суд весь объем знаний о человеке: обосновывая антропологическую основу педагогики, Кант часто «действует как доктор Спок восемнадцатого века, и то, что он говорит (взято в основном у Руссо), представляет только антикварный интерес» [1, р. 199]. Поскольку Кант редко дает четкие ответы на многочисленные поставленные им вопросы, соглашаться или опровергать утверждение Л. Бекка, как нам кажется, предстоит каждому читателю Канта. Не менее сложные задачи стоят и перед читателями Шмидта и Ушинского, желающими сопоставить их антрополого-педагогические концепции.

Антрополого-педагогическая концепция К. Шмидта

В «Божественной комедии» Данте описывает встречу с поэтом Стацием — автором сочинений «Фиваида» и «Ахиллеида», — который так отвечает на вопрос, кто он: «Воспеты мною Фивы и Ахилл, но под второю ношей я свалился» (пер. М. Л. Лозинского). Данте иронизирует по поводу масштабности двух задач, некогда взятых на себя Стацием, который умер, не сумев закончить второе из задуманных им объемных сочинений. Отчасти та же участь постигла Карла Шмидта, при жизни которого был издан фундаментальный четырехтомный труд по истории

педагогике. «Историю педагогики...» Шмидта часто критиковали за сухой язык и достаточно поверхностное рассмотрение многих вопросов, однако даже самые ревностные критики отмечали энциклопедизм Шмидта и сложность задачи, которую он поставил и попытался решить. «История образования» выдержала несколько изданий, которыми до 1884 года занимался его восторженный поклонник Вихард Ланге. Второй, не менее сложной была задача по созданию педагогической антропологии, от которой, как выразился Данте, неминуемо должен был бы «свалиться» любой исследователь-одиночка. Шмидт создал несколько объемных сочинений, в которых раскрывались особенности его антрополого-педагогической концепции, но обобщающий труд по педагогической антропологии в двух частях вышел только после смерти Шмидта благодаря стараниям неравнодушных к его работам людей. К. Д. Ушинскому также не удалось закончить последний том трехтомника по педагогической антропологии. Однако незавершенность задуманного, сблизившая судьбы Шмидта и Ушинского, не помешала тому, что они оба стали авторами сочинений, перевернувших представления современников об образовании.

Для современных исследователей Карл Шмидт — оригинальный немецкий мыслитель, внесший вклад в историю образования и педагогическую антропологию. Однако если его четырехтомное сочинение по истории педагогики переведено на русский язык еще в конце XIX века [23], то сочинения об антропологических основах образования до сих пор не переведены и отсутствуют в современной отечественной критической литературе лишь на уровне упоминаний.

Педагогическое наследие Шмидта в целом и его антрополого-педагогическая концепция в частности являются белыми пятнами даже для зарубежной научной традиции, хотя он был автором более двух десятков сочинений и многочисленных статей в журналах (комментарий 4). Имя Шмидта не упоминается даже Кристофом Вульфом, одним из крупнейших современных немецких исследователей истории антропологии и антропологии образования, в обзоре по истории педагогической антропологии [1, с. 244–245]. В отечественной научной традиции Шмидт крайне редко упоминается как автор работ, вдохновивших Ушинского на написание сочинения «Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии»; чаще его имя опускается из обзоров по истории антрополого-педагогических изысканий (коммен-

тарий 5). Современники же высоко ценили работы Шмидта и его вклад в разработку антропологических основ образования.

Очерчивая контур педагогической антропологии, Шмидт, как и Кант, опирался на свой педагогический опыт и отстаивал необходимость педагогики как прикладной антропологии. Подробно остановлюсь на трех ключевых работах Шмидта: «Антропологические письма, наука о человеке в его деяниях; посвящается всем образованным людям, особенно всем учителям и воспитателям» («*Anthropologische Briefe, die Wissenschaft von Menschen in seinen Taten; Allen Gebildeten, vorzüglich allen Lehrern und Erziehern gewidmet*», 1852 год), «Книга о воспитании, законах воспитания и обучения, основанных на естественных законах человеческого тела и разума, письма к родителям, учителям и воспитателям» («*Buch der Erziehung, die Gesetze der Erziehung und des Unterrichts, gegründet auf die Naturgesetze des menschlichen Leibes und Geistes, Briefe an Eltern, Lehrer und Erzieher*», 1854 год) и «Письма матери о физическом и духовном воспитании ее детей» («*Briefe an eine Mutter über Leibes und Geistes-Erziehung ihrer Kinder*», 1856 год). Особенности структуры, содержания и предъявление материала, на которых я остановлюсь ниже, указывают на то, что эти работы потенциально могли быть переработаны в обобщающий труд, не менее объемный, чем «История педагогики...» Шмидта. Структура «Антропологических писем...» такова: это десять писем, сгруппированных в три раздела («Род», «Вид», «Индивид»), а также по одному письму во вступительном (письмо — сопоставление космической жизни и жизни человеческой) и в заключительном разделах (письмо об истории антропологии, которое начинается с описания особенностей антропологического поиска на Востоке, в Древней Греции и Риме, а завершается анализом работ Франца Йозефа Галля). Предваряет письма часть о значимости и перспективности антропологии. Первый раздел — «Род» — объединяет семь писем: первое — «Эмбриология и возвращение ребенка в утробе матери», второе — «Вегетативные жизненные системы, или система аффилиции, кровеносная система и дыхательная система, вместе с учением о пище и культуре этих систем», третье — «Внешние органы чувств в их организации и их отношении к образованию», четвертое — «Опорно-двигательная система и ее практическое развитие», пятое — «Нервная система и ее диетология», шестое — «Организм духа; его системы и составляющие; практическое применение доктрины духа к морали, политике, уголовному законодательству, искусству, религии

и образованию», седьмое — «Космическая жизнь в человеческой жизни. Ночная сторона человеческого организма. Здоровье и болезни тела и духа. Смерть». Второй раздел — «Вид» — включает два письма: «Зависимость человека от различных земных систем и разделение человечества на расы, народы и семьи» и «Время как всемирная история и как возраст жизни с особым учетом воспитания». Третий раздел — «Индивид» — содержит письмо «Темпераменты и индивидуальности. Краниоскопия и физиогномика». Одним из значимых для Шмидта является концепт «жизнь», к которому он обращается с первых строк: «Антропология — это наука о человеке. Человек находится посреди мира, полного жизни, который его окружает, в котором и с которым он живет» [19, s. 1]. В этом сочинении Шмидт отстаивает значимость органологии (и особенно значимость органологии духа, объединяющей мышление, желания и чувства) для теории образования. По его мнению, воспитание должно помогать тому, что присутствует как предрасположенность [19, s. 251].

По мнению В. Дельманна, «Антропологические письма...» стали результатом кропотливой работы Шмидта по обобщению данных физиологии и психологии, которую он начал в начале 1848 года [14, s. IV]. Этот труд, продолжает Дельманн, стал поворотным пунктом для Шмидта: работы, написанные до и после, существенно отличались. Действительно, начиная с «Антропологических писем...» антрополого-педагогическая тематика проявляется в работах Шмидта на разные темы.

В «Книге о воспитании...» (1854 год) Шмидт выводит основные законы обучения и воспитания на основе естественных законов, по которым живут тело и разум человека. «Книга...» состоит из десяти частей: 1) Природа воспитателя и концепция воспитания; 2) Возращивание в утробе матери; 3) Образование органов пищеварения, крови и органов дыхания; 4) Образование нервов, органов чувств и движений; 5) Воспитание темпераментов; 6) Воспитание ума; 7) Воспитание чувств; 8) Воспитание воли; 9) Юноши и образование для юношей; 10) Воспитание индивидуальности. В предисловии Шмидт пишет, что учитель — это тот, кто любит свободу и формирует любовь, поскольку именно свобода и любовь заряжают энтузиазмом, который и позволяют учителю учить [21, s. 10]. Именно в этом сочинении Шмидт пишет фразу, которая предопределяет антрополого-педагогический поиск К. Д. Ушинского: «Тот, кто хочет воспитать человека, должен понять человека, а тот, кто хочет понять человека, должен понять природу и Бога в человеке, а человека

в природе и Боге. Обоснование этого требования вытекает из цели и задачи воспитания» [21, s. 13]. У Ушинского эта мысль выражена так: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [8, с. 23]. Задавшись вопросом о цели и задаче воспитания, Шмидт прибегает к метафоре при ответе: «Откуда садовник знает, можно надеяться на то, что из посаженного им желудя вырастет дуб? Он знает об этом по природным способностям желудя. То, что суждено сделать кому-нибудь, узнается из изначальных предрасположенностей и сил, данных ему Богом, ибо судьба его может быть чем-то иным, чем развитием, то есть раскрытием и проявлением того, что в нем заложено и сложено» [21, s. 15]. В переработанной версии «Антропологических писем...» он прибегает к иной, но близкой метафоре, говоря, что образование как садовник — способствует росту растения хорошим уходом или препятствует ему плохим уходом, но нужно помнить, что из луковицы тюльпана не может вырасти гиацинт [23, s. 210]. Шмидт критикует две противоположные точки зрения: о том, что все достигается воспитанием, и том, что все дано природой.

Сочинение «Письма матери...» в доступной форме содержит принципы воспитания детей до шести лет и состоит из семнадцати писем. Первое письмо носит название «Что такое воспитание?». Шмидт начинает его с обращения Наполеона как мадам Гампан, которой он указывает на значимость матерей, способных дать образование своим детям. Шмидт подчеркивает, что это указание на «великую мудрость женщин» и ту великую задачу, которую женщины должны решать в суете мира [20, s. 1]. Завершает это письмо Шмидт словами: «Великие истины воспитания в том, что нет никого, с кем оно могло бы лучше сочетаться и надеяться на воплощение, чем со всеподдерживающей, никогда не иссякающей материнской любовью» [20, s. 7]. В письме «Воспитание до рождения» Шмидт наставляет матерей понять значимость их великой педагогической миссии и жить в гармонии с собой, миром и Богом [20, s. 63]. Остальные письма содержат необходимые для матери знания о ребенке, а также объясняют особенности физической и психической организации ребенка в первый год жизни, в раннем детстве, во «втором детстве».

Новизна представленных Шмидтом идей и выводов заключалась в систематизации известных на тот момент знаний по физиологии и психологии с педагогическим умыслом. Его работы, с одной стороны,

продолжали линию, заданную Фридрихом Эдуардом Бенеке (1798–1859) в «Руководстве к воспитанию и учению» и других его работах, а с другой — сами задавали множество исследовательских линий. Три книги Шмидта, вышедшие одна за другой (с 1852 по 1856 год) и обосновывающие значимость антропологических основ педагогики, имели многочисленные пересечения тем, что открывало возможность для переработки накопленного материала. Такой переработкой и занялся Шмидт. Однако две части обобщающей работы по антропологии вышли только после смерти Шмидта и представляли собой результат существенной переработки автором ранее представленных читателям материалов из «Антропологических писем...» и усиления всех тех педагогических акцентов, которые были обозначены в «Книге воспитания...» и «Письмах матери...».

Структура *первой части* «Антропологии...» («Введение и история антропологии») такова: введение в антропологию, история антропологии (от Древнего Востока до современного на тот момент периода) и основные научные данные, представляющие антрополого-педагогический интерес, пояснения и разъяснения к написанному. Начинается первая часть с утверждения Шмидта о том, что человек со времен Гомера противопоставлен богам и животным [22, s. 1]. Далее Шмидт подчеркивает, что история антропологии образует «живую концепцию антропологии», разделенную во времени [22, s. 2]; концепцию, которая позволяет понять сущность и предназначение человека во взаимосвязи с пониманием мира и Бога. Человек живет в мире, полном жизни, поэтому жизнь мира является предпосылкой и условием жизни человека. Согласно Шмидту, антропология должна: 1) искать и излагать то, что делает людей людьми; 2) изучать взаимосвязь жизни человека и жизни мира, чтобы стала понятна иерархия: человечество, раса, народ, семья, отдельный человек. Для педагогики, продолжает Шмидт, антропология — это теория, которая должна продемонстрировать «цель всего человеческого развития» («...ибо воспитатель должен знать индивидуальность и национальность того, кого он хочет воспитать, не забывая при этом о человечности» [22, s. 6]) и вооружить знаниями о физической и духовной организации человека. «Этика, политика, юриспруденция (гражданское и уголовное право), искусство, философия, религия и образование — все науки берут свое начало в антропологии» [22, s. 6]. Все это, по мнению Шмидта, доказывало бы ценность антропологии, если бы наука о шедевре творения

не имела «абсолютной ценности сама по себе» [22, s. 6].

Обращаясь к истории антропологии, Шмидт высоко оценивает древнегреческую культуру, в которой появляется идея о естественной гармонии внутреннего и внешнего в человеке и ведется поиск смысла человеческого существования [22, s. 15]. Описывая значение идей некоторых древнегреческих мыслителей, Шмидт особенно выделяет Сократа, который сделал стремящегося к самопознанию человека основой своего философско-педагогического поиска [22, s. 20–21]. Двигаясь по эпохам и культурам, Шмидт приходит к обобщению последних данных психологии, анатомии, физиологии, этнографии, френологии и физиогномики.

Структура *второй части* «Антропологии...» («Наука о человеке в его жизни и делах с особым указанием на воспитание человека») представляет собой строгую и детализированную иерархию тем, которая, по задумке автора, должна способствовать облегчению понимания изложенного. Однако понимание логики этой иерархии является сложной задачей, поскольку разделы, подразделы, темы, подтемы представлены в сложной смеси буквенного и цифирного обозначений. Открывает том раздел о жизни в целом и человеческой жизни в частности, где рассматриваются вопросы об основах жизни, о ее характеристиках, взаимосвязи жизни людей, жизни животных и жизни растений и т.д. В этом разделе Шмидт утверждает ценность жизни, которая от начала и до конца уникальна и не сводима к физическим и химическим процессам и их проявлениям [23, s. 3]. Следующим является раздел о человеке как виде с тремя подразделами: «Соматология», куда включены два блока тем — анатомия и физиология — со множеством подтем, «Психология», куда включены два блока тем об осмысленной (например, о мышлении, восприятии пространства и времени и т.д.) и о неосмысленной сторонах человеческого духа (например, о снах, лунатизме и т.д.), и «Развитие человечества и отдельного человека», куда включены два блока тем — виды человечества и человеческая индивидуальность — также со множеством подтем. По мнению Шмидта, нервная система больше, чем какая-либо другая, требует педагогического внимания и заботы [23, s. 193]. Далее он поясняет это, говоря о темпераменте. Он называет конституцию «телесным темпераментом», а темперамент «психической конституцией» [23, s. 200] и призывает к педагогическому вниманию к этим двум составляющим. Еще он разграничивает способность, талант и гениальность, напоминая, что Кант понимал под талантом превосходство познава-

тельной способности, которое зависит не от обучения, а от природных задатков субъекта [23, s. 209]. По мнению Шмидта, с одной стороны, способности не проявятся без образования, а с другой — образование не предполагается без способностей. Благодаря образованию способности могут максимально выразиться, но есть предел, который образование перешагнуть не может. За этим пределом лежат талант и гениальность. Шмидт разводит их таким образом: продуктивность таланта ограничена («талант не изобретает порох и не открывает Америку») и его нельзя путать с творческим подвигом гения (не всем дано «быть Наполеоном, Лютером, Шекспиром») [23, s. 210; 212].

Современники высоко оценили переработанную версию «Антропологических писем...». Так, в учебнике для учителей начальной школы Германии и Швейцарии в разделе «Антропология и психология» первой рекомендованной учителю книгой является книга Шмидта «Die Anthropologie...» (1865 год, 326 s.) [18, s. 451]. Далее рекомендуется и вторая часть этого сочинения (1865 год, 607 s.) [18, s. 453], которая только-только была опубликована (комментарий 6). Оба издания ценны для учителя тем, что в них Карл Шмидт не просто утверждает, что результаты антропологических исследований требуют пересмотра существующей организации образования, но и объясняет, как это должно быть сделано.

В предисловии ко второй части В. Дельманн пишет, что публикация осуществляется по просьбе издателя и с согласия семьи Шмидта, его многолетнего друга. Дельманн подчеркивает, что всегда был неравнодушен к философским начинаниям Шмидта и знал о его желании создать новую версию «Антропологических писем...», чтобы изложенное в большей степени отражало научный прогресс и его собственный прогресс как автора [14, s. I]. Стиль новой версии «Антропологических писем...», как кажется Дельманну, стал «спокойнее и лаконичнее», то есть больше соответствовал возрасту автора [14, s. II]. Главную задачу нового издания Дельманн видел в том, чтобы прекратить «схоластическую деятельность» [14, s. IV] в сфере антропологии. Предисловие Дельманна небезынтересно сравнить с предисловием Вихарда Ланге для одного из изданий сочинения «История образования и преподавания Карла Шмидта...» (Karl Schmidts Geschichte der Erziehung und des Unterrichts: für Schul- und Predigtamts-Candidaten, für Volksschullehrer, für gebildete Eltern und Erzieher übersichtlich dargestellt). В предисловии к первому изданию этого сочинения Шмидт пишет, что лишь хочет ответить на запрос, рас-

сказав об истории образования и обучения (предисловие от 16 апреля 1863 года). В предисловии от 17 февраля 1871 года, которое пишет Ланге для очередного издания этого сочинения, он иначе оценивает решенную Шмидтом задачу. В условиях предрешенности итогов **Франко-прусской войны** Ланге пишет, что переиздание сочинений Шмидта позволяет Германии закрепить фору перед другими государствами, которую она получила в сфере образования, и еще сильнее укрепиться политически [17, s. VIII]. Если Дельманн подчеркивает интерес к философским изысканиям Шмидта, то Ланге — к педагогическим: он подчеркивает, что хочет показать, как изменялись педагогические идеи «моего дорогого друга Карла Шмидта» [17, s. VII].

Антрополого-педагогическая концепция К. Шмидта: оценка К. Д. Ушинского. Ближайший соратник Шмидта на учительском семинаре герцогства Гота, а позднее и директор этого семинара писал, что Шмидт был «велик по богатству своих энциклопедических знаний, велик по глубине своего религиозного чувства, велик по энергии своей самоуверенной воли, велик по оригинальности и идеальности своей общей концепции, даже по своим ошибкам» [цит. по: 15, s. 126]. Не на достижения, а именно на ошибки (точнее, на то, что виделось как ошибки) указывал К. Д. Ушинский, вступив со Шмидтом в непримиримую борьбу на страницах своего сочинения «Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии» (1868–1869 годы).

Познакомившись с работами Шмидта во время заграничной поездки, К. Д. Ушинский взялся за написание трехтомного труда. Построив в двух томах логику педагогической антропологии и вплотную приблизившись к «основной педагогической идее», К. Д. Ушинский в третьем томе планировал изложить педагогические рекомендации, которые базируются на антропологических знаниях. Однако этот том не был им завершен. Современник И. А. Каиров так писал об этом: «...к сожалению, много из того, что мог дать Ушинский в этой работе, остается неясным ввиду неразработанности третьего тома «Педагогической антропологии» [5]. Учитывая то, что подготовка всех трех томов шла одновременно, после публикации первых двух томов у педагога оказался целый ряд выписок, которые относились к третьему тому, но, очевидно, не образовывали стройной системы. Именно поэтому он неоднократно принимался за составление третьего тома и сжигал все написанное. При этом в периодических изданиях К. Д. Ушинский неоднократно указывал на существо-

вание третьего тома, который требует лишь незначительной доработки, а в официальных документах, ссылаясь на «обширность предмета» и слабое здоровье, писал, что это не позволяет ему завершить начатое. Н. С. Ушинская в одном из писем, оправдываясь перед возмущенной общественностью, вскоре после смерти мужа писала, что К. Д. Ушинский в последнее время «был очень расстроен и многим недоволен, что было написано им, и уничтожал, так что теперь, когда стали перебирать его бумаги, то полного, законченного уже третьего тома «Антропологии» не находится, а только отдельные главы, и тех не очень много» [6].

Возвращаясь к Шмидту, отмечу, что Ушинский не слишком уважительно (комментарий 7) относился к трудам человека, на несколько лет опередившего его в обосновании антропологических основ педагогики. Ушинский едко пишет: «...педагогика Карла Шмидта опирается и на физиологию, и на психологию, и еще более на первую, чем на последнюю; но в этом замечательном сочинении дан такой разгул германской ученой мечтательности, что в нем менее фактов, чем поэтических увлечений разнообразнейшими надеждами, вызванными наукою, но далеко еще не осуществившимися. Читая эту книгу, часто кажется, что слышишь бред германской науки, где могучее слово многостороннего знания едва прорывается сквозь тучу фантазий — гегелизма, шеллингизма, материализма, френологических призраков» [8, с. 43] (комментарий 8). Далее Ушинский называет Шмидта одним из последователей френологии, указывает на страницу 283 первого тома «Антропологии...» и уличает его во «френологических фантазиях», когда Шмидт рассуждает о хорошей памяти и связывает ее со способностями познания [8, с. 253]. Иногда слово «фантазия» Ушинский заменяет словом «факт». Так, он пишет, что не хочет упоминать о педагогике Карла Шмидта, потому что она, построенная на «френологических фактах и шеллинговских фразах, едва ли прибавляет что-нибудь к действительному анализу чувств» [10, с. 479]. Далее Ушинский говорит, что ничего нельзя извлечь из «мистико-научного» фантазерства Шмидта.

Отметим, что в первой части «Антропологии...» френологии посвящено почти семьдесят страниц [22, с. 207–267]. Френология, согласно Шмидту, учит тому, что действия человека (в том числе преступные) обусловлены внешними раздражителями. А значит, если наказание вызовет раздражение и отчаяние в душе наказуемого, то ничего хорошего не выйдет; наказание должно будет совершено с «благожелательностью

и умеренностью». Шмидт делает вывод, что телесные наказания являются «неподходящим средством наказания», потому что это средство лишь «озлобляет людей и препятствует их улучшению» [22, с. 229]. Самым слабым аргументом против френологии Шмидт считает обвинение в том, что френологи часто ошибались. Ему кажется, что с таким же успехом можно клеймить медицину, указывая на врача, не распознавшего и не вылечившего болезнь [22, с. 230]. Увлекаясь защитой френологии, Шмидт пишет: категории как априорные понятия и чистые формы мышления Канта — это то, что «невольно напоминает о френологии» [22, с. 255].

Не согласен Ушинский и со связью темперамента и внешности человека, на чем настаивали представители френологии и о чем Шмидт писал во втором томе «Антропологии...» на страницах 201–202 [9, с. 443]. В очередной раз обвиняя Шмидта во френологических фантазиях, Ушинский все же отдает ему дань: «...можно удивляться, что иногда люди практические, какими должны быть медики и педагоги, отводят этим фантазиям почетное место в своих педагогических системах, как это сделал известный немецкий педагог Карл Шмидт» [9, с. 455–456]. Отметим, что увлеченность Шмидта френологией с годами уменьшалась и она уже не занимала столь «почетного места» в его работах. В первом издании «Антропологических писем...» существенную часть — двадцать две страницы — занимало описание идей основателя френологии Франца Йозефа Галля. Когда переработанная версия «Антропологических писем...» выйдет в обобщающем сочинении в двух частях, автор предисловия ко второй части В. Дельманн с сожалением укажет на то, что эта часть была существенно сокращена [14, с. II]. В новой версии «Антропологических писем...», как кажется Дельманну, аргументация Шмидта стала убедительнее. Так, например, Дельманн предлагает сравнить переход к френологии, который явлен на странице 207 и 224 в первом томе обобщающего издания 1865 года и который присутствовал на странице 523 в «Антропологических письмах...» 1852 года [14, с. II].

По прошествии лет Шмидт действительно иначе выстраивает аргументацию. Он подкрепляет тезисы Галля примерами из своего жизненного опыта, вспоминая людей, которых встречал, когда учился в школе и университете: «Через несколько лет я сменил место жительства и снова встретил людей, которые также легко учили наизусть. Затем я заметил, что у них у всех большие, выступающие вперед глаза, и вспомнил, что так же было и у моих товарищей в моей первой школе. Наконец я перешел

в университет. Мое внимание сразу же привлекли те мои однокурсники, у которых были большие выступающие глаза, и вскоре я услышал, как они хвалились своей отличной памятью. Таким образом, меня подтолкнуло к мысли, что все, у кого большие и выступающие глаза, должны обладать хорошей памятью. Хотя это наблюдение еще не было достаточно доказано, я не мог поверить, что связь двух замеченных мною фактов объясняется простой случайностью. Поэтому я предположил, что между памятью и таким формированием глаз должна существовать причинно-следственная связь. После долгих размышлений я пришел к выводу, что если память может быть распознана по внешним признакам, то это может происходить и с другими интеллектуальными способностями. С этого момента все люди, которые отличались какими-либо способностями, стали объектом моего внимания. Мало-помалу мне показалось, что я могу тешить себя мыслью, что нашел и другие внешние признаки, указывающие на определенную предрасположенность к живописи, музыке, механическим искусствам и т.д.» [22, s. 209]. По мнению Дельманна, Шмидт намеревался также сократить блок о соматологии и представить его только в той мере, в которой «этого требовала первоначальная практическая цель книги, особенно в образовательном отношении» [14, s. II]. Не только Ушинский, но и ближайшие друзья Шмидта подчеркивали его увлеченность френологией.

Заключение. Карл Шмидт был ярким исследователем, благодаря которому оформилась и стала претендовать на научный статус педагогическая антропология. Во многом именно благодаря его работам русская педагогика получила свою версию педагогической антропологии, в рамках которой К. Д. Ушинский сопрягал природу человека и природу педагогической деятельности. Язвительные замечания Ушинского по отношению к Шмидту, вероятно, были одним из способов борьбы за господство на антрополого-педагогическом олимпе XIX века. После смерти Шмидта, а затем К. Д. Ушинского очарование педагогической антропologией несколько раз сменялось разочарованием. Ее сторонников обвиняли в избыточной страсти к теоретическим конструкциям, оторванным от педагогической практики. Современный научный поиск антропологических оснований педагогики во много является поиском разумного баланса между теоретическими и практическими; поиск, основы которого были заложены Карлом Шмидтом.

Комментарии

1. Шмидт родился в семье фермеров и должен был продолжить дело родителей, но больше интересовался книгами (и особенно Библией), чем земледелием. Окончив сельскую школу в Остененбурге, в 1834 году поступил в гимназию в Кётене, а затем с 1841 года учился в университете Галле, где изучал философию и теологию и в то же время был увлечен идеями Гегеля. Затем в 1844 году переехал в Берлин и в 1845 году стал помощником учителя гимназии. В 1846 году стал приходским адъютантом в Эддерице, затем священником, но в 1850-м окончательно отказался от духовного сана и стал учителем. В 1863 году Шмидт оставил преподавание и возглавил Совет начального образования и учительский семинар герцогства Гота. Об особенностях его жизненного пути можно узнать из нескольких биографических сочинений, написанных самим Шмидтом, а также из некролога его друга и последователя В. Ланге (*Hamburger Schulblatt*, 1864, № 354). Основные этапы его жизненного пути изложены здесь: [15, s.115–120].

2. Кант проработал преподавателем университета 43 года, читая лекции и проводя занятия по целому ряду направлений, включая логику, метафизику, этику, антропологию, географию, физику, богословие, педагогику и инженерное дело. «Его обычная учебная нагрузка составляла четырнадцать часов в неделю, и он начал читать лекции в семь часов утра. Его лекции были известны в университете, и даже студенты из других стран, приезжали, чтобы их услышать» [1, s. 192].

3. Работа под названием «Иммануил Кант о педагогике» (1803 год) была опубликована незадолго до смерти Канта его бывшим студентом. Сначала ее считали заметками философа к серии лекций по педагогике, прочитанных им в 70–80-х годах XVIII века, а затем классифицировали как сгруппированные в некотором порядке вольные цитаты и парафразы из разных сочинений Канта.

4. Избранная библиография К. Шмидта приведена здесь: [15, s. 129–130]. Эпиграфом к этой работе является цитата Шмидта: «Я отдал свою жизнь за педагогику, за воспитание рода человеческого к истине, свободе, любви».

5. См., например, раздел «Научные и социальные истоки педагогической антропологии» [2, с. 184–192].

6. Вместе со Шмидтом в этот список рекомендованных учителю книг попала книга «*Anthropologie, Die Lehre von der menschlichen Seele*»

(первое издание 1856 года) Иммануила Германа Фихте — сына Иоганна Готлиба Фихте.

7. Лишь один раз Шмидт и его наброски упомянуты нейтрально: рассуждая о печали, Ушинский приводит цитату Каруса по второму тому «Антропологии...».

8. Здесь Ушинский не в первый раз обрушивается с критикой на немецких педагогов. Так, в предисловии к «Детскому миру» он спорил с Георгом Кристианом Раффом, развивавшим диалогический метод в обучении и посвятившим ему сочинение «Диалоги для детей» («Dialogen für Kinder», 1779 год). Рафф советует награждать рассматриванием картинок из книги тех учеников, кто хорошо справился с очередным заданием по начальному обучению буквам, складыванию слов и чтению. Ушинский же считает, что «потешающая детей педагогика» недопустима.

Список источников

1. Вульф К. Антропология воспитания. М.: ИГ «Праксис», 2012. 295 с.
2. Днепров Э. Д. Ушинский и современность. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. 232 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. М. И. Левиной // Сочинения в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 138–376.
4. Колесникова И. А. Педагогическое вопрошание о человеке будущего // Непрерывное образование: XXI век. 2015. Вып. 2 (10) [Электронный ресурс]. URL: <http://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=2803> (дата обращения: 11.03.2022).
5. Научно-педагогический архив РАО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 71.
6. Научно-педагогический архив РАО. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 3.
7. Пичугина В. К. Педагогическая антропология XXI века: проблемы и перспективы образовательной заботы о себе // Грани познания. 2015. № 7 (41). С. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1443366638.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).
8. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1 // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 8. Москва; Ленинград: АПН РСФСР, 1950. 774 с.
9. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2 // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Москва; Ленинград: АПН РСФСР, 1950. 626 с.
10. Ушинский К. Д. Материалы к третьему тому педагогической антропологии // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 10. Москва; Ленинград: АПН РСФСР, 1950. 668 с.
11. Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / Пер. Эдуарда Циммермана. Т. 1–4. 3-е изд., доп. и испр. Вихардом Ланге. Москва: К. Т. Солдатенков, 1877–1881.
12. Beck L. W. Essays on Kant and Hume. L.: Yale University Press, 1978. 231 p.
13. Böhm W. Geschichte der Pädagogik: Von Platon bis zur Gegenwart, 3. Auflage. München: Verlag C. H. Beck, 2010. 128 s.
14. Dehlmann W. Vorwort // Schmidt K. Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen Nation gewidmet. Zweiter Teil. Die Wissenschaft vom Menschen in seinem Leben und in seinen Thaten mit besonderer Berücksichtigung der Menschenerziehung. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. S. 1–4.
15. Egerland H. C. Karl Schmidt (1819 bis 1864) — ein Lebensbild // Anhalt. 1992. Heft. 1. S. 115–130.
16. Frankena W. K. Three historical philosophies of education: Aristotle, Kant, Dewey. Glenview:

Scott, Foreman and Co., 1965. 216 p.

17. *Lange W.* Vorwort zur zweiten Auflage // Schmidt K. Geschichte der Erziehung und des Unterrichts: für Schul- und Predigtamts-Candidaten, für Volksschullehrer, für gebildete Eltern und Erzieher übersichtlich dargestellt, Köthen: Paul Schettler Verlag, 1871. S. VIII–IX.

18. *Lüben A.* Pädagogischer fabresberidht für die Volksschullehrer Deutschlands und der Schweiz. Im Verein mit Bartholomäi, Gräfe, Hentschel, Kellner, Lion, Petsch, Prange, Schlegel und Schulbearbeitet und herausgegeben. Siebenzehnter Band. Leipzig: Friedrich Brandstetter, 1865. 796 s.

19. *Schmidt K.* Anthropologische Briefe, die Wissenschaft von Menschen in seinen Taten; Allen Gebildeten, vorzüglich allen Lehrern und Erziehern gewidmet. Dessau: Druck und Verlag Gebrüder Katz, 1852. 564 s.

20. *Schmidt K.* Briefe an eine Mutter über Leibes und Geistes-Erziehung ihrer Kinder. Köthen: Paul Schettler Verlag, 1856. 160 s.

21. *Schmidt K.* Buch der Erziehung die Gesetze der Erziehung und Unterrichts, gegeründet auf die Naturgesetze des menschlichen Leibes und Geistes; Briefe an Aeltern, Lehrer und Erzieher. Köthen: Paul Schettler Verlag, 1854. 537 s.

22. *Schmidt K.* Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen Nation gewidmet. Erster Teil. Einleitung und Geschichte der Anthropologie. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. 326 s.

23. *Schmidt K.* Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen Nation gewidmet. Zweiter Teil. Die Wissenschaft vom Menschen in seinem Leben und in seinen Thaten mit besonderer Berücksichtigung der Menschenerziehung. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. 607 s.

References

1. *Vul'f K.* Antropologija vospitanija. M.: IG «Praksis», 2012. 295 s. [In Rus].
2. *Dneprov Je. D.* Ushinskij i sovremennost'. M.: ID GU VShJe, 2007. 232 s. [In Rus].
3. *Kant I.* Antropologija s pragmaticheskoj točki zrenija / per. M. I. Levinoj // Sochinenija v 8 t. T. 7. M.: Choro, 1994. S. 138–376. [In Rus].
4. *Kolesnikova I. A.* Pedagogicheskoe voproschanie o cheloveke budushhego // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2015. Vyp. 2 (10) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ill21.petrstu.ru/journal/article.php?id=2803> (data obrashhenija: 11.03.2022). [In Rus].
5. Nauchno-pedagogicheskij arhiv RAO. F. 71. Op. 1. Ed. hr. 71. [In Rus].
6. Nauchno-pedagogicheskij arhiv RAO. F. 74. Op. 1. Ed. hr. 3. [In Rus].
7. *Pichugina V. K.* Pedagogicheskaja antropologija XXI veka: problemy i perspektivy obrazovatel'noj zaboty o sebe // Grani poznanija. 2015. № 7 (41). S. 1–8 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1443366638.pdf> (data obrashhenija: 11.03.2022). [In Rus].
8. *Ushinskij K. D.* Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogicheskoj antropologii. T. 1 // Ushinskij K. D. Sobranie sochinenij. T. 8. Moskva; Leningrad: APN RSFSR, 1950. 774 s. [In Rus].
9. *Ushinskij K. D.* Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogicheskoj antropologii. T. 2 // Ushinskij K. D. Sobranie sochinenij. T. 9. Moskva; Leningrad: APN RSFSR, 1950. 626 s. [In Rus].
10. *Ushinskij K. D.* Materialy k tret'emu tomu pedagogicheskoj antropologii // Ushinskij K. D. Sobranie sochinenij. T. 10. Moskva; Leningrad: APN RSFSR, 1950. 668 s. [In Rus].
11. *Shmidt K.* Istorija pedagogiki Karla Shmidta, izlozhennaja vo vseмирno-istoricheskom razvitii i v organicheskoy svyazi s kul'turnoj zhizn'ju narodov / Per. Eduarda Cimmermana. T. 1–4. 3-e izd., dop. i ispr. Vihardom Lange. Moskva: K. T. Soldatenkov, 1877–1881. [In Rus].
12. *Beck L. W.* Essays on Kant and Hume. L.: Yale University Press, 1978. 231 p.
13. *Böhm W.* Geschichte der Pädagogik: Von Platon bis zur Gegenwart, 3. Auflage. München: Verlag C. H. Beck, 2010. 128 s.
14. *Dehlmann W.* Vorwort // Schmidt K. Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen

- Nation gewidmet. Zweiter Teil. Die Wissenschaft vom Menschen in seinem Leben und in seinen Thaten mit besonderer Berücksichtigung der Menschenerziehung. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. S. 1–4.
15. *Egerland H. C.* Karl Schmidt (1819 bis 1864) — ein Lebensbild // Anhalt. 1992. Heft. 1. S. 115–130.
 16. *Frankena W. K.* Three historical philosophies of education: Aristotle, Kant, Dewey. Glenview: Scott, Foreman and Co., 1965. 216 p.
 17. *Lange W.* Vorwort zur zweiten Auflage // Schmidt K. Geschichte der Erziehung und des Unterrichts: für Schul- und Predigtamts-Candidaten, für Volksschullehrer, für gebildete Eltern und Erzieher übersichtlich dargestellt, Köthen: Paul Schettler Verlag, 1871. S. VIII–IX.
 18. *Lüben A.* Pädagogischer fabresberidht für die Volksschullehrer Deutschlands und der Schweiz. Im Verein mit Bartholomäi, Gräfe, Hentschel, Kellner, Lion, Petsch, Prange, Schlegel und Schul bearbeitet und herausgegeben. Siebenzehnter Band. Leipzig: Friedrich Brandstetter, 1865. 796 s.
 19. *Schmidt K.* Anthropologische Briefe, die Wissenschaft von Menschen in seinen Taten; Allen Gebildeten, vorzüglich allen Lehrern und Erziehern gewidmet. Dessau: Druck und Verlag Gebrüder Katz, 1852. 564 s.
 20. *Schmidt K.* Briefe an eine Mutter über Leibes und Geistes-Erziehung ihrer Kinder. Köthen: Paul Schettler Verlag, 1856. 160 s.
 21. *Schmidt K.* Buch der Erziehung die Gesetze der Erziehung und Unterrichts, gegründet auf die Naturgesetze des menschlichen Leibes und Geistes; Briefe an Aeltern, Lehrer und Erzieher. Köthen: Paul Schettler Verlag, 1854. 537 s.
 22. *Schmidt K.* Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen Nation gewidmet. Erster Teil. Einleitung und Geschichte der Anthropologie. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. 326 s.
 23. *Schmidt K.* Die Anthropologie. Die Wissenschaft vom Menschen in ihrer geschichtlichen Entwicklung und auf ihrem gegenwärtigen Standpunkte. Den Bildern der deutschen Nation gewidmet. Zweiter Teil. Die Wissenschaft vom Menschen in seinem Leben und in seinen Thaten mit besonderer Berücksichtigung der Menschenerziehung. Zweite, gänzlich umgearbeitete Auflage der "Anthropologischen Briefe", Dresden: Verlag L. Ehlermann, 1865. 607 s.

Информация об авторе

В. К. Пичугина — профессор Института образования НИУ ВШЭ, заведующая лабораторией антропологии и педагогической компаративистики РАО

Information about the author

V. K. Pichugina — Professor of the Institute of Education of HSE University, Head of the Laboratory of Anthropology and Pedagogical Comparative Studies of the Russian Academy of Education